

— Все самое ценное находилось в доме отца (я жил на два дома), я больше жил у отца на Пугачевской улице: обедал там, мама стирала, готовила. В 1951 году отец был осужден с конфискацией имущества на пять лет — он делал из шкурки воротник одной знакомой и ему это квалифицировали как спекуляцию, частное предпринимательство тогда преследовалось. Меня тоже арестовали, за компанию, считая, что я помогал ему в этом деле. А потом за Паулюса — у меня нашли его часы с монограммой, обнаружили снимки, где мы с Паулюсом за бильярдом. В то время, знаете, как это рассматривалось... Часы Паулюса у фотографа Невского! 8 месяцев я пробыл под арестом, а потом мое дело прекратили без всякого обвинения, даже без суда меня освободили.

Ничего не подтвердилось. Я доказал, что все мое имущество было приобретено честным трудом. Я представил все справки по заработкам. Насчет Паулюса — по заданию органов госбе-

зопасности с генералом ездил, который меня сопровождал. Но генерал к тому времени умер. Пришлось поднимать документы, проверять, как все получилось.

— А имущество вам вернули?

— Нет. Все имущество взяли, вывезли и продали в то время, когда я находился под стражей. Оно было включено в общую опись с отцовским достоинством. Мне должны были вернуть мою аппаратуру, но ее не оказалось. Мне начали отказывать, когда я обратился в суд, мотивируя это тем, что это все имущество отца. Но как могло быть? Отец всю жизнь шапки шил, а я фотографией занимался. Но прокурор написал: раз я имею частную фотографию, то даже по этим признакам надо было отобрать все имущество. Долго длилась судебная тяжба, все свидетели подтвердили, что часть имущества принадлежала мне, все было установлено, доказано, но имущество мне так и не возвратили. Дорого мне обошлись часы Паулюса!

Я ПРИЕЗЖАЛ В СУЗДАЛЬ НА ВЕЛОСИПЕДЕ

Юрий Белов

Приезд Солженицына во Владимирскую область, вскоре после его возвращения в Россию, стал большим событием. Программа была насыщена до предела встречами во Владимире и в Гусь-Хрустальном районе — тех местах, где Александр Исаевич когда-то жил, работал учителем математики и активно занимался литературной деятельностью. Это поселок

Мезиновский и деревня Мильцево, а также село Палищи, на кладбище которого нашла свой последний приют его бывшая хозяйка, простая женщина-праведница Матрена Васильевна Захарова, героиня рассказа «Матренин двор».

Поселок Мезиновский, возникший на месте торфоразработок, на один год моложе писателя. Бывшего учителя у входа в новое здание школы

ждали новое поколение учителей и подрастающее поколение с портфелями и букетами цветов, родители, а также заблаговременно приехавшая большая группа журналистов, включая иностранных. Утренняя прохлада и солнце создавали приподнятое настроение. Как только А.И.Солженицын вышел из машины, взоры всех собравшихся устремились на него. Одетый в светлую

рубаху навывпуск, писатель был похож на Льва Толстого. Такой же «матерый человечеще». Так мне по крайней мере показалось. Между прочим, когда Александр Исаевич жил в доме у Матрены Захаровой, у него перед глазами на радиоприемнике стоял в картонном паспорту портрет великого русского писателя.

На встрече через 37 лет А.И.Солженицын призвал учащихся не поддаваться на ластивые и лживые соблазны сегодняшней светлой жизни — не вставать на путь того, что и знания не нужны, и труд не нужен, и честность не нужна, хотя они видят, что преуспевает тот, кто нечестен, кто не трудится и ничего не знает. «Я желаю вам прежде всего нравственной чистоты, которая открывает вам путь к трудам и к знаниям! — сказал писатель. — Я прошу вас учиться со всем усердием, гордиться тем, что вы трудитесь и вы получаете знания, ибо вот это — нетленное сокровище — будет вам на всю жизнь!»

После посещения школы, бесед со старшеклассниками и учителями А.И.Солженицын проследовал в деревню Мильцево. Дом М.В.Захаровой не сохранился. Теперь на его месте стоит похожий на Матренин, недавно перевезенный из другой деревни, который поклонники таланта Солженицына намереваются превратить в «мемориальный литературный памятник». Возле дома-новодела писателя

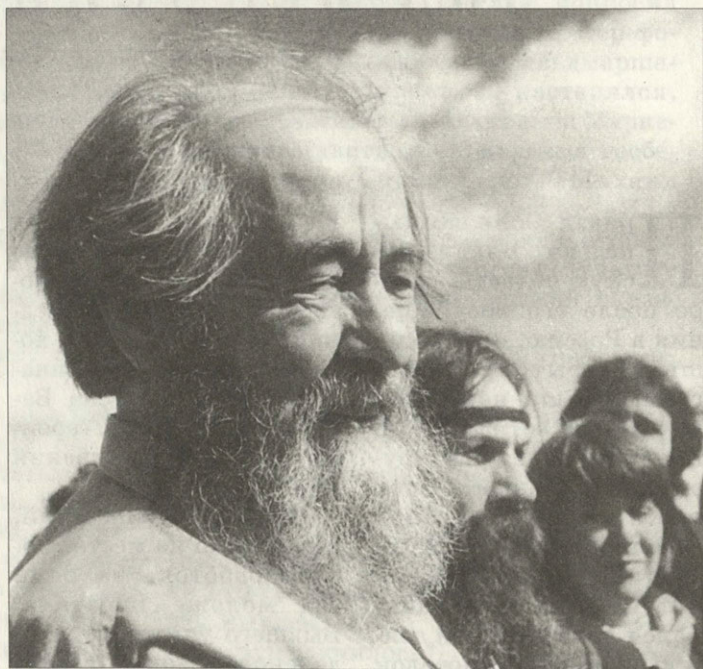
встретила группа сельчан, одетых в красочные народные костюмы, которые с хлебом-солью встречали Матрениного постояльца, а также песней «Деревенька моя». Была тут и приемная дочь Матрены А.В.Романова, которая с трех лет до замужества жила у нее. Потом Солженицын прошел в пустующий дом — будущий музей, где нет пока никаких предметов, мебели и даже света. В полутьме писатель осмотрел помещение, рассказал, что и где находилось в доме у его хозяйки.

Странно, но Александр Исаевич в программу поездки во Владимирскую область не включил Суздаль. Уж такая жемчужина архитектуры, такой интересный и красивый город,

да совсем недалеко от Владимира! Такого гостя минут за 25 доставили бы. Я сначала не поверил, что Суздаля нет в программе пребывания. Потом удивился и задумался: почему? Знакомство с Суздалем не терпит суеты?

Поняв, что в Суздале мне Солженицына уже не видать и не фотографировать, по своей должности газетного репортера я сделал попытку побеседовать с ним в Мильцево. Было вокруг него много журналистов, фоторепортеров, плотно опекали его представители областной администрации, так что подступиться было непросто. Набравшись смелости, я приблизился к писателю по дороге от «Матренина двора» к машине. Вопрос у меня был любопытный: в 1992 году к приезду в Суздаль президента Итальянской

Настоящая удача Юрия Белова — фотопортрет Александра Исаевича Солженицына

Республики Ф.Коссиги на городском православном кладбище с согласия местных властей был установлен памятник итальянским военнопленным с надписью: «Здесь спят вечным сном погибшие итальянцы», хотя в архивах не обнаружены документы, подтверждающие это; итальянцы не дожившие до возвращения домой «спят вечным сном» в Суздальской земле, но не здесь, а в чистом поле... Интересно, как А.И.Солженицын, бывший участник войны, относится к такому факту?

— Я не могу судить, — ответил он. — Я не знал о том вообще, не знаю истинного основания, кто там лежит. Вы не требуйте от меня всего на свете.

В церкви Ильи Пророка села Палищи была отслужена панихида по рабе Божьей Матрене, а потом все пошли пешком к ее могиле на кладбище. Хорошая асфальтовая дорога. Александр Исаевич шагал бодро. По обе стороны рядом шли люди. Журналист справа (из г. Гусь-Хрустального) задавал какие-то вопросы, пока на него не цыкнули. Я шел за этой шеренгой. Надежд на беседу не было никаких. Тогда я решил задать элементарный вопрос, ответ на который совсем не требовал напряжения, но для меня был принципиально важен.

— Александр Исаевич, а в Суздале вы не бывали?

— В 1958 году я там был, — ответил писатель

(впоследствии автору удалось встретиться с первой женой писателя Н.А.Решетовской, которая сказала, что А.И. ошибается — велосипедное путешествие во Владимир и Суздаль они совершили летом 1961 года).

— В 1958 году? Вскоре после освобождения, да?

— Вскоре после освобождения — на велосипеде.

— А откуда ехали, из Мезиновки?

— Нет. Начал из Рязани, через всю Мещеру проехал, потом во Владимир, потом Суздаль, Боголюбово, а потом дальше еще круг целый — до Ярославля, Ростова Великого. Большой круг сделал.

А.И.Солженицын одним из первых совершил путешествие по Золотому кольцу. На велосипеде!

Осмелел — выдвинул диктофон вперед на вытянутую руку, задаю еще один вопрос:

— Какое впечатление на вас Суздаль произвел?

— Суздаль тогда был душещипательный. Я не знаю, какой сейчас. Сейчас там, говорят, очень много изменений. А тогда он был душещипательным, потому что... Вот эти старинные церкви, в общем-то едва пережившие страшные большевистские годы, и такой пустынный — даже посреди города — сельский, можно сказать, пейзаж, древний даже пейзаж, вечный. Одинокий, пустынный. Очень было сильное впечатле-

ние от Суздаля. Теперь его туристами слишком закатали, может быть, он сейчас даже меньшее впечатление производит — не могу сказать.

— Но вы не хотели бы еще раз посетить Суздаль?

— Хотел бы, конечно. Много я хотел бы в России посетить мест, но жизнь моя уже слишком на склоне. Много ли я успею, не знаю!..

За разговором мы подошли к кладбищу. Возле скромной могилы М.В.Захаровой был совершен небольшой молебен. А.И.Солженицын стоял со свечой, чтя память Матрены Васильевны. На надгробной плите — ее овальная керамическая фотография, сделанная однажды Александром Исаевичем. «Раз только запечатлел, когда она улыбалась чему-то, глядя в окошко на улицу», — вспомнились его слова. Запомнились интонации речи, манера держаться, и теперь, когда я читаю книги Солженицына, встает передо мной облик писателя.

С тех пор прошло несколько лет. Помним, как встречали «вермонтского затворника» по возвращении домой, в Россию. Чего-то ждали от него — чего? Деяния? Истины? Провидческого слова? «Как обустроить Россию?» Вот и у нас, на Владимирщине, каждое слово ловили, ждали — на всякий вопрос ответит...

Но и это — строка истории.